

Ему снилось что-то хорошее, весёлое. Хохотали о чём-то. Даже, вроде, сам смеялся. Из молодости. Кажется, жена молодая... Белая ночь. Шли по лужам после ливня. В лужах — сбитые с деревьев пахучие тополиные серёжки... Счастье, в общем. Но сквозь это хорошее, радостное всё настойчивее и яснее, вторым, третьим слоем в воздушном, постоянно меняющемся пироге сна просачивалось, проявлялось тревожное, даже мрачное... Ещё не просыпаясь, досматривая сон, он почувствовал, что настроение будет хмурое, подавленное, и тому есть причина, проблема, большая, может неразрешимая даже. Проблема, которую мозг, охраняя его, его сон, не выпускал из памяти сразу, но какая-то часть мозга (наверно, отвечающая за неприятности, за всё плохое) уже включилась, и нейроны-командиры приняли решение: пора! Пора дозированно, порциями, выдавать информацию по проблеме, чтобы подготовить постепенно того, на кого они работают, кого они берегут всю эту жизнь... Как могут... Берегут.

Будильник тринькал и тринькал... Шесть... Со Шлагбаума вернулся в два... Заснуть сразу, конечно, не смог... Но часа два поспал... Нормально... Не разбудили, дали поспать. (Благодарно о девчонках со скорой.) Берегут. По пустякам не дергают. Молоденькие совсем, а понимают. Жалеют. С теплом. В последнее время он начал замечать, что окружающие стали как-то по-другому, как-то лучше к нему относиться. Нет, и раньше всё было хорошо, даже отлично, но теперь как-то особенно — теплее, что ли.

В последние дни спал мало, похудел, себе казался жёстче... Хотя вчера, вернее, сегодня уже, на Шлагбауме, когда вернулись, не пробившись Туда, где сносили лагерь, чуть не распустил сопли.

Как и всегда, собрались и рванули быстро. И как всегда, стихийно. На трассе наткнулись на кордоны: поперёк дороги три «форда», «буханки», мигалки... По какому праву?! Здесь лес по карте! Дороги не закрыты! Депутаты!.. Наш район!.. Не имеете права не пускать!.. Нар-род! Посмотрим и вернёмся! В ответ: нечестные, тупые лица, испуганные, бегающие взгляды, в некоторых паника... Звёзды на погонах. Срывающимися, дрожащими голосами визгливые знакомые команды, приказы и угрозы. Шарманка: «Неповиновение! Неподчинение! Преступление!..»

Как-к-ко-ое преступление?! Очнитесь! Мы на своей земле! Вот депутаты!..

Как — в стену. Глянул в глаза, где — пусто, где, кроме денег, — ничего! Понятно стало: они опасны! Да,

опасны для самих себя, вернее, для своих же — мелкозвёздных. Ни мудрости, ни ума, ни чести и ни совести — наделают делов! Толкнут в мясорубку! Опасны для государства!

Старики наши сориентировались быстро: «Отбой! Отходим! У нас всё по закону — черты не переступим! Разворачиваем людей! По ко-о-о-оням!» И домой.

Досадно было... Как там говорят: мужчины не плачут — мужчины огорчаются? Чуть не «огорчился». Стоял ещё на Шлагбауме... Ждал. Пробормотал потом: «Мы проиграли бой — война же не проиграна ещё...» Помчался домой. Въехав в лес, в остервенении всё жал и жал на сигнал... Плачут мужчины-то, плачут... Женщины, те, конечно, вздохнули с облегчением: все целы вернулись. Слава Богу!

Так... не открывая глаз... и... что сегодня? А, да... лагерь сносят... эоактивистов... Да... и суд... Сегодня будет повестка (весть дошла...) Суд. Тяжёлый день... «По закону или по совести?!» — В сё крутилось и крутилось в голове, когда после суда он опаздывал на последний паром, хотя гнал сто двадцать даже (там, где асфальт, конечно, но в основном вся сотня от райцентра — грунтовка, да пыль ещё, хорошо хоть сын резину поменял)... Так всё же, как? По закону или по совести? ТАМ, на Объекте, в Зоне, для тех, кто в форме, — «по закону». На словах, конечно! «По приказу!» — бойко так всегда. По приказу — значит по закону! Для них. Всё просто для них. И когда спрашивают их грозно, орут им прямо в рожи: «А если приказ преступен?! Тогда-то как?!» — делают вид, что не понимают. Бубнят одно: «Приказ...» Все понима-ают, всё! И молодёжь эта, мелкозвёздная, у которой — «ипоте-е-еки». Понима-а-а-ают, в чём участвуют. И те, в погонах с крупными звёздами, по две, по три! Те сразу поняли, видно по глазам. Взяли на лапу — а теперь «по приказу». Назад для них дороги нет. Много чего уже наделали... по приказу... В тесной любовно-финансовой спайке с «чёрными». Про чёрных в форме не хочется и думать. Там ни по закону, ни... По понятиям там, да нет, не эзковским — по звериным...

Врач по профессии, человек не злой... да нет, не так!.. совсем мягкий, какой-то размягчённый даже к старости, к своим шестидесяти двум, в последнее время он вдруг с ужасом, если не сказать с омерзением, стал ощущать в душе своей доселе неизвестное ему, очень сильное, всепоглощающее чувство. Чувство, идущее из каких-то тёмных глубин его, наследственное наверно, — как он сам на очередном митинге в бешенстве, не осознавая, проорал в мегафон этим чёрным: «Ге-е-ны! Гены во мне бушуют!» Гены его предков. От генов чувство гнева, требующее справедливости, возмездия. Нет — мести! Требующее уничтожать! Тех, кто на женщин, на его односельчан, на друзей — как свора бешеных чёрных псов! Натянув чёрные намордники-балаклавы. Давить! Может, правильно: бешеных собак пристреливают, не правда ли? (Или про коней там, про уставших?..) Всё дед. Гад! Да, дед Василий. Председатель колхоза.

...Бибикал! Дергал дальний свет! Бесполезно. Паром уже почти на середине реки разворачивался кормой, оторвавшись от левого, так и хотелось сказать — нагретого, борта, ловко осуществляя маневр-разворот. Белый катер любовно-мягко прилепился к другому, правому борту подруги-баржи так, что корма её стала носом. Моторист газанул, наверно, — из трубы рванул дымок... Парочка стала быстро удаляться по течению к тому берегу. И вот исчезла почти. Широко. Разлив. Весна. Опоздал.

Вышел из машины. Опускалось солнце. Длинные тени падали на блестящую, чёрную здесь, под высоким берегом, воду, очень быструю, зеркальную и почти везде гладкую, казавшуюся от этого тяжёлой, маслянистой и густой. Но в одном месте, метрах в пятидесяти от берега, вода время от времени сама по себе начинала вдруг рябиться, вскипать, появлялись буруны, завихрения, клокотание. Кипение. А потом — большие волны поперёк реки. Было понятно, что там, глубоко-глубоко, где всегда темно, даже черно и страшно, идёт какая-то неведомая, тайная, большая и тяжёлая работа. Какие-то могучие силы поднимают со дна всю эту густую толщу, все эти тонны воды, поднимают мощно и перекручивают и перемальвают её, вышвыривая мусор, брёвна, мелкие камни, валуны, кубометры песка и грязи. Грязи... да, больше грязи... и с остервенением отбрасывают её подальше! С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, он пошёл по берегу. Там, за рекой, посёлок... Его посёлок. Работа... Там пролетела жизнь...

Бешено орали кулики, почти соловьями заливались на слух какие-то, наверно, очень маленькие птички, что-то летающее шуршало, хлопало и в воздухе рывало, крякало, ухало

в кустах, в лесу. Вся эта дикая какофония без спросу сразу полезла в уши, в голову, куда-то в грудь, под горло... и немедленно, опять же на генетическом уровне начала... От неожиданности он сразу не нашёл в себе слова, но тут же удивлённо и почти радостно — родное! лечить! Да, начала лечить! Душу... Замер с открытым ртом, туло уставившись в землю...

Сзади задребезжала машина. Захлопали дверцы. «Буханка». Старая. Грязная. Синяя. С кряхтением, охами выпрыгивали, по виду, лесники. Молодые. Понесло табачным дымом. Сразу громко, весело заговорили, пересмеиваясь: «Кимберджжеки камазы вывозка». Лесники. Незнакомые, не наши. Может, коми?

— Паром? Наверно, будет. Будет, будет!

Уважительно здороваясь:

— Перевезём, конечно перевезём!

Один, помоложе:

— А это вы с мегафоном выступали? Я видел...

— Да, я... А вы, что, ездите Туда?

— Да нет... Некогда...

— Понятно...

Помолчали.

Отошёл, не мешать... Разговоры сразу продолжились:

— Да Пашке отдадут новый КамАЗ-то, конечно — Пашке! Пашет как бешеный, жена родила только что, — папаша! Еп-тать!..

И ещё что-то про бешеного молодого папашу, и сразу дикий хохот. Слушать не стал, пошёл к машине, не мешать...

Солнце чем ниже, тем ярче, багровее окрашивало запад. На востоке, там, откуда он приехал, где родное село, темнело, небо из ярко-синего превращалось в зелёное, цвета сгущались, становились сочными, глубокими. Там детство, юность. Там же и райцентр, суд...

Сначала в полицию, по повестке. «Статья не указана. Бери 51-ю Конституции! Отказывайся давать показания, если не будет адвоката», — напутствовали дома. Так, паспорт, очки. Прислушался к себе — нет, страху никакого! Удивительно! Всегда в душе считал себя робким. Просто как будто нужно пройти процедуру, неприятную, может, болезненную, но неотвратимую. Захлопнул дверцу.

— Никола-а-ай Геннадьевич!

Три женщины, плакаты «Требуем прекратить преследование!», немолодые, симпатичные, знакомые.

— Мы слышали: вас прямо с приёма забрали!

— Да нет, нет! — Ближе — даже красивые, напряжены: ещё бы — рядом начальник полиции! То-от ещё начальник! Но глаза горят: смелые! — Вы это что? Вы ко мне?.. — дрогнувшим голосом, произвольно, хотя уже сразу понял: его, его защищать пришли! Тут же прилобило слезу, запнулся благодарно: — Эт-то-о... за меня, что ли?!

— Да! Да мы всех поднимем!

— Милые вы мои, хорошие... Смелые! Спасибо вам, дорогие, спасибо! — Обнялись. — Идите, идите! Не надо за меня рисковать! Спасибо! Спасибо!

Как здорово! А день-то сегодня, оказывается, солнечный!

Встретила молодая красивая адвокатша. Зашли в здание.

Числа... митинг... на станции Шиес Архангельской области... перед жилым комплексом... организовал... провёл... с мегафоном... группа лиц числом... несанкционированный... призывал... объявил стройку закрытой... от имени народа... к разборке забора... также в рупор призывал... (Подчеркнуто корректно молодая уполномоченная...) Таким образом, нарушил... статья... предусматривающая...

— Вот посмотрите видео с вашим выступлением, — старший уполномоченный. В гражданке, молодой, высокий. Подал смартфон.

За долгие годы работы с большим количеством людей Николай Геннадьевич научился мгновенно, по первому мимолётному взгляду на себя, определять настрой собеседника, его отношение к себе, ошибался редко. Что здесь? Агрессия — нет, неприязнь — нет, равнодушно-мстительное «так тебе и надо?» — нет... Тут удивительное, явное: уважительное. Не соболезнование, не жалость, нет. Чётко — уважительное.

Молодец! Молодой. Из наших, наверно, из северных!

На 17. 30 суд. Межрайонный. Ого, не мировой даже! Статья не та?

И быстро как! Почти приятно: никакой волокиты! Не то, что там, на Объекте, где он был свидетелем, когда «группа лиц по предварительному сговору, руководимая... в количестве ста тринадцати-и-и (!) человек напала на группу граждан в количестве сорок... избивать... тяжкие телесные... перелом черепа...». Как это официально-то-о? ОПГ? И никто не задержан! И не пытались даже!

— Вот вы, с рупором... В красной куртке! — уполномоченная, подавая листок.

Ксерокопия фото. («Я-я-я! Ну, и как ты себе? Хор-р-о-ош! Староват только. Годков бы хоть пять пораньше. Да, у жестяного домика, где я им, чопикам, про деда Василия! Про его бешено ревушие во мне гены».) Он усмехнулся грустно...

Дед. Вот был персонаж-то! Девять детей. На войну просился — не взял: старый. «Здесь твой фронт, — колхозы!». И послали туда, рядом с нынешней Зоной, отстающий колхоз поднимать. Рассказывала мама. Корова у них тогда ещё пала. Голодал. Председатель колхоза голодал! Голодала вся его семья, дети, двое грудничков без молока, но ни колоска, ни кружки молока колхозного домой не принёс! Вот был коммуняга! Всё дед... Гад! Тот бы справился с ними. Просто. Совсем даже. К стенке поставил бы, и всё!.. По-однял колхоз в страшном 1942-м... «Имени Восьмого марта» назывался. «Его, его, сукиного сына, гены меня до суда довели!».

Вышел, сел в машину. Полчаса ещё есть. Пропустив встречную, он круто повернул направо, в узенький проулочек. Налево домик бабушки, направо погост. Кладбище... Тишина... Погрел руками холодный чёрный мрамор... «Прости, мама... Редко... Прости, папа... Теперь сюда, в угол родового... Здорово, дед!». Протёр ладонью пожелтевшую эмалевую тарелочку... Деда он не помнил... С удовольствием взгляделся заново в родные резкие черты. «Хор-р-рош был! Молодец! А как ты вечером домой-то приходил, дед?! С пустыми руками. Как в глаза, в девять пар голодных глаз-то, смотрел?! Ну, и не бойсь теперь, дед! Я тебя — не опозорю!».

Рупор!.. В рупор призывал. И чопики в трёх заявлениях, и майор в своём доносе (делать им нечего! В стране преступность вся закончилась...): «Призывал... руководил!..». Он ворчал, пробираясь на второй, на первой скорости по вечно и навсегда разбитым улицам родного села... Оскорбление полиции... Ру-рупор!.. Старый какой-то, оранжевый, маленький, слабенький. Орать пришлось так, что сорвал глотку. Но не доорёшься, видно, в рупора до них, до жадных злобных карликов... Да когда же вы нажрётесь-то, наворуетесь?! Напьётесь крови нашей, детей наших, внуков наших! Воруйте! Не трогают вас... Зачем же вы ещё дерьмом-то своим нас завалить хотите?! В прямом смысле дерьмом. Свалку на весь район устроить. Мегасвалку даже! Брат звонил — не верил сразу. Да, шириной больше километра, длиной в тридцать километров! И повезут сюда, в болота, из Города за тысячи километров мусор! Так, всё! Всё! Стоп. Завёлся!

Он припарковал машину у решётки сада. Вышел. Суд. Межрайонный народный...

В судах бывал нередко, но всё в статусе свидетеля. Вот, наконец, и обвиняемым... Воистину: от сумы да от... Почти все известные пословицы уже испытаны, а об этой как-то не думал даже... Как же мудр всё-таки народ наш русский! (Грустно.)

Окошечко. Два мощных пристава. «Фамилия?». Всё корректно. Рамка металлоискателя... Подождать... В окне напротив — сад, городской сад, как много воспоминаний... Но мысль его по привычке быстро съехала на Объект. Линейный объект! Надо же — «линейный!» Типа там линия простая, там ничего не делается!.. Адвокат Татьяна Юрьевна ушла к судейским.

Там, на Шиесе, первый раз он побывал в молодости. Было это очень давно, в восьмидесятых, когда умирал посёлок лесорубов, оставались несколько стариков, не пожелавших переезжать в центральный. Он, молодой врач, еженедельно приезжал туда рано утром, часов в пять, так приходил рабочий поезд. Подворный обход, шесть-семь немощных стариков, главное лекарство — поговорить с ними, посидеть... Потом обильный ранний завтрак-обед у тети Паши, которая держала ещё корову, балек (овец так называла) штук десять. Обязательная бутылка «Московской» на столе. В низеньком окошечке печальный вид залитой солнцем, зарастающей мелким березняком пустынной улицы... Корова Динка, свесив голову... Какие-то непонятные, медленные (у него, тогда весёлого — даже лихого! — молодца), печальные мысли... Слипающиеся глаза... Рассказы о ээка сквозь полудрему, о строителях дороги, что

вдоль железки и лежат... далеко не хоронили: упал — и закопали...

И вот снова сюда, уже на объект, которого нет. Линейный объект. Белое пятно. Чёрная дыра. Подготовительный этап... Сколько ещё названий, чтобы соврать, скрыть от народа истину — мусорный могильник! Самая большая свалка мусора (не упадите!) В МИРЕ! А самое пошлое название этой мегапомойки на болоте — эко (экологичный, мол!) техно (современный такой, технологичный) парк (типа гулять тут можно будет, как по парку). Гуляйте! Гуляйте, гуляйте! Жители самого крупного, самого прекрасного города самой справедливой страны в мире. Гуляйте по своим прекрасным, чистым улицам и паркам! Но не присылайте, пожалуйста, не присылайте нам в наши, пусть не такие прекрасные, но дорогие нам болота и леса свои «подарки», свой мусор, а конкретней (простите, я всё-таки прямо) — дерьмо! Не присылайте, даже за деньги! Почему? Да потому, что мы просто этого не хотим! Не хотим, и всё!.. Что-то опять увлёкся... Снова забылся, что ли... А, точно — задремал...

Он встал, походил по холлу. Долго что-то «статью шьют» (пошутил)...

Как в первый раз на «новый» для него Шиес? Долго собирался, всё что-то тянул, чего-то ждал. Чего ждал-то? Да, наверно, верил... Всё верил. Ведь идиотизм, дебилность какая-то! Мусор в целлофане, в «суперпакетах» за тысячи километров — на хранение, на двадцать лет... На двадцать лет?! В целлофане?! Да в болото?! Кретинизм! А из этих болот — их тут тысячи километров — реки, истоки их: Вычегда, Двина! В Белое море. Давно известно! Там Баренц-регион! А вы-то как?! Соседи наши северные. Высокоэкологичные. Почему — в тряпочку?! А может, сами сюда, свой мусор?! Ведь всё это давно... Нет! Вредительство! Преступление! А как же «очистишь Север от мусора!» в Арктике бочки грязные собирали, руками. Мы же видели в телевизоре. А как же эти орлы или журавли? Как их по-научному... Ну-у, тех, которых на дельтаплане провозжали. Значит, не знают Там. Не докладывают им. Хотя видел, видел, что молчат слишком долго, слишком плотно... Вдруг как-то резко, в один день, понял. И понял ещё: стыдно, нет, не так, — неприлично уже не понимать, не заниматься этим! Поехал.

Когда он впервые подъезжал к месту, к которому давно стремился, увидеть которое жаждал или просто долго ждал, к пирамидам, например, или в Венецию, он всегда старался уловить и запомнить самые первые, неосознанные свои, мозга своего, неосмысленные, на уровне подкорки впечатления: ощущения, запахи, звуки, прикосновения — сам ещё не знал что. Они, первые, не соврут, и самые яркие они. Останутся потом в памяти, в «шкатулочке». Настоящее ли всё это, чего так долго ждал, чего хотел, и главное: нужно ли оно ему? Пирамиды, например. И когда в Гизе неожиданно, на повороте, в окно автобуса начинал вползать огромный светло-коричневый мегаобъект, то радостно и удовлетворённо и навсегда понимал: да! Настоящие! Нужные ему! Пирамиды! Или Венеция: та ли картинка откроется в заливе, какая в его мечтах? И когда разворачивается ещё более блистающее, весёлое, яркое, он ахал про себя: «Да, такая!» И отправлял в коробочку, копилку...

Вот так и на Шиес на поезде в первый раз. Как только «376 я» начал тормозить и замелькали груды, горы гравия, песка, буреломы, завалы, бесконечные ряды оранжевых тракторов и самосвалов, он жадно прильнул к окошку. Люди. Много. Весёлые, яркие, подвижные и шумные — эоактивисты. Сотрудники ЧОПов «Гарант безопасности» — презрительно-мрачные, чёрные, явно чужие здесь, ненужные...

Весь сидячий вагон поднялся разом. Загалдел, захохотал. Выход... Пропустил молодых, нетерпеливых. Плакаты, коробки, гитары... Спрыгнул с высокой подножки на рыхлую, шуршащую гравийку. Запахло мазутом, болотом, лесом, дымом, цветущим багульником, распаханной землей, свежескошенной травой, ещё чем-то болезненно знакомым. Звуки: шум ветра, трепет листьев, гудки и хохот — сливались в песню. Тугой тёплый ветер ласково, но ощутимо, как слепой — рукой (свой ли?), торопливо ощупал морщинистое лицо и весело помчался дальше, к молодым. Мгновенно стало ясно: «Оно! Моё!» И спокойно. И хорошо...

Привет, Шиес! Это я. Ты ждал? И я пришёл..

А вот второй-то раз... Все как-то отрывками... Рваная кинолента.

Поехали по вызову: коллективная драка, активисты с чопиками, многочисленные травмы... Конец рабочего дня... Похватили перевязочные, мешок, чемоданы. Тридцать с лишним вёрст по газопроводу. Своротка в лес. Болото, грязь — тут только пешком. Два километра.

Вот над головой прострекотал вертолёт... Второй по счёту.

Бешено, неправильно бухало в груди — «Частая желудочковая экстрасистолия...

опасная...» — отстранённо диагностировал. Ну и фиг с ней! Бежал, задыхаясь. «Год у меня ещё есть... Должен быть! Папа умер в шестьдесят три...» — бормотал себе, чтобы отвлечься, хоть на секунду отвлечься от того, что доносилось из-за огромной, с двухэтажный дом, серой гравийной, очень длинной кучи-насыпи, которую надо было оббежать, обогнуть, чтобы добраться туда, откуда исходил этот страшный звук. Насыпи, на которой стояли четыре или пять снимающих на камеры врагов в чёрном, синем и наши в камуфляже. Один чёрный, обернувшись назад и вниз, направил на них камеру, но, увидав надпись «Скорая помощь» на фельдшерской Викиной куртке, тут же, потеряв к нам интерес, отвернулся.

Звук этот: рёв, плач, визг, вой, стон, одновременно и мужской, и женский (женские тона слышнее, выше и поэтому ужаснее), — был такой, что периодически перекрывал даже шум вертолётки. Что-то похожее когда-то услышал в фильме, страшном, про войну, когда сжигали людей. И запомнил, на беду. Забыть не мог. Но там под музыку было, и на экране... И вот опять. Здесь проще, некрасивее и как-то... противнее, что ли. Да, противнее, невыносимее.

Оглянувшись на бегу, с удивлением заметил, что оторвался от молодых, — надо же! Резвый! Вовка, шофёр, с Викой ещё за насыпью. Выхватил у носильщика, высокого стройного парня, тяжёлый железный чемодан с крестом на боку: «Теперь я сам! Ты уходи! Не подставляйся!». Перепрыгнул яркие заградительные ленточки. Вдруг оказался на узенькой дорожке лицом к лицу, вернее, к широкому ковшу большого оранжевого колёсного трактора. Ковшу, в котором рядком лежали четыре или пять, не успел сосчитать, ярко-красные бочки с надписью «Лукойл».

— Стоять!

И сам встал. Перед ковшом. Ковш тоже встал, покачиваясь перед его грудью.

— Сто-оя-а-агь! С-сука! — Вдруг вырвалось весело, как в молодости. И сразу забилось ровно сердце, и спокойно стало вдруг, и легко уже дышалось. — Стоять! — И добавил зачем-то, для себя, наверно: — Абзац!

Караванчик из четырёх тракторов с горючкой встал.

Слева сзади подскочила красивая растрёпанная Вика.

— Ну, что, стоим?!

— Сто-ои-им!

— Сейчас подоспеют наши!

Простояли заслоном минуты две. Из-за тракторов справа, слева уже пробирались, проталкивались, проваливаясь в густую глину, один, два, три... восемь — прекратил считать... Чёрные... Чопики. Наших не было... Навалились. Втоптали в глину, в грязь...

Выбравшись, молча собрали чемоданы — побрели, смешавшись с толпой чёрных, не обращая внимания друг на друга, все тяжело дыша, за удаляющейся колонной с горючкой. К ангару.

С вертолётной площадки растаскивали раненых. Сидя на бетонке, рыдали женщины, от ушибов, ссадин, больше от обиды, все ещё ощущая цепкие, мерзкие, вонючие руки на себе, зловонный запах из ощерившихся слюнявых похотливых ртов. Многие, которых никогда не били, сидели молча, потрясённые дикой нелепостью происходящего, то и дело удивленно трогая свои кровоподтёки, ссадины.

У ангара с горючим, что-то бешено выкрикивая, он тараном пошёл на плотную цепь чёрных.

— Его не тр-рогать! Это врач! Не тр-рогать!!! — Сбоку, бешено Вика.

Кр-расотка! Мо-ощно! Как в замедленной съёмке, только успел увидеть, оценить, запомнить: точь-в-точь, как та, в фильме старом «Вий!»! Пальчиком указывает... грозно... чопикам. Но тут же сзади цепкие руки-клещи схватили его за шею, за куртку, сильно дернули, оторвали от земли, бросили... Очнулся через секунду на бетонке.

— Он сам упал! Он сам! — Весело хохотали чопики.

Прорвались: прошла горючка. Незаконная стройка свалки почти три месяца стояла из-за нехватки топлива. В последние недели помоечным строителям и чопикам солжары не хватало даже на генераторы. Так плотно перекрыли все пути доставки наши. Как кислород! Сдыхайте! Но вот додумались, переиграли: штрейкбрехеры-вертолётчики из Коми завезли горючее вертолётками.

Машинально отметил: полиция в сторонке, кучками, начальство в штатском. Чопики,

уставшие, румяные и потные, удовлетворённые, тоже кучками, не спеша, как футболисты-победители с поля, возвращаются в свой жестяной домик-барак.

На вертолётной площадке, на которую, увидев в небе вертушку, сели, встали сорок наших, под вертолёт, — полосы размазанной крови, сопли, кеды... Здесь окружила их сотня крупных особой мужского пола, неизвестной породы, то ли псов бешеных, то ли шакалов чёрных, в чёрных же намордниках, «аки беси али тати!»... избивать... растаскивать, волочить за ноги женщин по бетонке, ломать кости, черепа протестующим. Его народу...

Один, возрастной уже, чуть помоложе его, чопик, с залысынами, с виду приличный даже, сняв шапку-балаклаву, шёл вразвалочку, смело, сквозь активистов, устало улыбаясь, сказал вдруг громко побитым и поверженным, сидящим и лежащим:

— Спасибо! (Мол, дали подразмяться!)

Не сдержался (стыдно). Подскочил к нему. Бешено, брызгая слюной, заорал в лицо:

— Маме! Своей! Скажи! Спасибо! С-сука! Я тебя запомнил! Жди!

Действительно запомнил, фамилию узнал. Ждёт. Когда по Закону...

— Врача-а! Поли-иция! Врача-а!

Рванул на зов, на ходу с удивлением ошупывая себя, — целёхонек! Надо же! Ни одна старая кость не сломалась! Два чопика наперерез, под ручки тащат третьего, в соплях, слезах, истерике.

— Помощь нужна? — хмуро. — Что случилось? Я врач. Баллончиком в глаза? Давай промоем. Дава-ай! Помощь... Я врач!

— Не буду! Они нас били! Они вас били. Не буду! — Вика.

— Мы — нет... Мы... не били... Работа...

— Дав-вай, Вика! Раствор, капли! Дав-вай скорей, там люди! Работа... Их работа... Потом поймёшь... Раствор, салфетки...

Заплаканные, ласковые и нежные чопики вдруг начинали раздваиваться, плавать в воздухе, прыгать чёрными зайчиками в жестяной домик, к своему лысому толстому карлику, который, говорят, сидит в потайной комнате и руководит всеми и покупает всех... И боится... Он, как всегда, увлёкся, начал рисовать себе картинку: эоактивисты... много... сотни... руками трясут жестянку, оттуда, как тараканы, чопики... Вот выскочил и карлик, толстый, жирный, по пояс голый (жарко там, душно, спят все вместе), бежит, повизгивая... «Так... что это я?! Задремал?! Снова?..»

Вечерело уже, когда на одеяле долго, муторно по лесу, по болоту выносили на трассу Андрея с черепно-мозговой. Здоровый парень, тренер детской спортивной школы из Коряжмы, всё метался, всё пытался встать: «Сам пойду! Са-ам... Где наши?..» Стонал всё.

А он всю дорогу к машине то бормотал чего-то, то ругался матом, то взывал к кому-то, то угрожал. Плевался... В старой пыльной «буханке» с крестами, которую дико трясло и бросало во все стороны, висел все тридцать километров, схватившись за ремни руками.

— Две минуты из трёх месяцев блокады — наши! — промолвил он вдруг мрачно, гордо. Потом, уронив голову на грудь, болтаясь как сосиска, спал.

Вика не спала, сидя с боку у носилок, смотрела невидящими глазами перед собой. Молчала и всё ошупывала пальцами свою первую боевую награду — огромное бордовое левое ухо. Чему-то улыбалась, тихо...

— Что? Прослушал... Что не открывается?

Вернулась Татьяна Юрьевна:

— Не открывается диск с записью вашего выступления. Судья не может ознакомиться... Могут отложить. Переживаете?

— Да нет... Точно нет. Но хотелось бы сегодня. Не тянуть... На меня у них ещё материалов — на два дела. Оскорбление полиции на том, на первом, митинге да разбор забора на свалке. Две ходки ещё. Шутка. А вы из каких Орловых? Фамилия знакомая... Ираиды Михайловны?! Ваш муж — младший сын моей любимой классной?! Три года как уж нет её... Мы звали её ласково — Ираидушка... Вот здорово!

Сразу нахлынуло: молодая фигуристая учительница, десятиклассники, походы по району, места боевой славы, памятники-пирамидки, костры ночные, песни... Блин! Что за день! И это — не просто так! Это привет! Это они, наши учителя, ушедшие. Настоящие учителя, оттуда,

сверху. Нам, уже тоже старым: «Не дрейфить! И так держать! Мы верим в вас!». Всё понял, сдержим!

— О! Вы даже улыбаетесь!

— Да так, подумал о приятном... О людях хороших.

— Вы уж, пожалуйста, не выступайте больше... Приятно было с вами познакомиться.

Пусть другие сейчас... Хватит вам. Опасно... — Татьяна. Какая всё-таки милая! И красавица к тому же, строгая такая красота. Наша, северная.

— Хорошо, постараюсь... Мне тоже было очень приятно... И спокойно. С вами.

И про себя: да-а, рупор-мегафон помощнее надо бы, побольше, посolidнее заказать ребятам. Там, на Зоне, расстояния большие, аудитория обширная — рупор нужен мощный!

Зона, где для народа не работают законы.

Зона, где гаранты безопасности смертельно опасны.

Зона, где полиция не для народа — для народа только наручники и повиновение.

Зона, где злые северные ветра с остервенением рвут ненавистные прорези балаклав.

Зона, где вольный сиверко весело треплет кудри своим любимым, выбивая радостную слезу из сияющих глаз.

Зона, где поезда, с грохотом пролетая мимо, приветственно, гудят активистам: «Мы с вами! Мы с вами! Мы-ы-ы с ва-а-а-м-и-и-и-и-и!!!»

Всё это — Зона. Объект. Всё это Шиес! («О! Лозунгами даже думать стал! Полное погружение»).

— До свидания, Татьяна Юрьевна! До следующего заседания.

Солнце закатывалось. Быстро холодало. Он достал куртку из машины. В кармане завибрировал телефон. Забыл звук включить после суда! Брат! Конечно — первым звонит! «Нормально... Да нет, не арестовали! Нормально, перенесли... Хорошо, перезвоню!». Жена. Потом из больницы: «Мы тут забастовку хотели». Активистка: «Разрешите, я в совет по правам...». Ещё звонок: «Ты как? Ты как?! Тут уже почти семьсот лайков под постом о тебе!». Снова: «Ты как?!». Ещё, ещё. Ещё!..

Подъезжал к посёлку, слева на север открылся вдаль газопровод, там, где-то далеко, наш пост-пикет Шлагбаум, ещё дальше, по наглухо закрытой для народа дороге, дороге, которую когда-то он, народ, сам и построил на свои деньги, — Шиес.

«Там день и ночь. Там чёрное и белое. Добро и зло. Там ложь и совесть. Там наши! Там сутками напролёт им светит солнце. Там весь год цветёт черёмуха, осыпая белым снегом их гордые плечи. Там на небе только для них сияют мириады звёзд. И, не смолкая, день и ночь поют им песни птицы. Там поруганные могилы наших предков. Там сама земля наша, истерзанная, обиженная, униженная, разрытая бульдозерами, зовёт к себе на помощь. Там Шиес. Там мой народ, который встанет за меня в час трудный. Любимый мой народ! Прекрасный мой народ!».

В голове его сами собой слова легко и быстро складывались в лозунги — костяк новой речи: «Шиес, ты наша надежда! Шиес, ты наша радость! Ты наше будущее! Шиес, ты наше светлое будущее!».

Въезжал в посёлок, любимый посёлок, к любимым, дорогим людям. Сложился стих из двух строк, концовка речи:

Шиес — боль моя!

Урдома — любовь моя!

На железнодорожном переезде остановился: мигал красный, проходил «Воркута — Москва»... Включил «Авторадио». Неожиданно для себя вдруг, дико фальшивя, заорал-запел, нелело размахивая руками, во всю плотку, вместе с Лепсом: «Самы-ы-ый лу-уч-ч-чий де-ен-н-нь!..»

В кармане, на груди, у сердца, непрерывно, требовательно, бешено-весело всё гудел и гудел, всё вибрировал телефон.